Гримм сошёл и направился по мостовой к замку, повозка же с присущим ей неспешным ходом всё удалялась, направилась она по дороге к лесу за замком. Мышонок, проходя, увидел редко саженные красные дубы, что красили всякому путнику дорогу, но обычно яркая пылающая листва, ныне пасмурною погодой выглядела несколько мрачновато: цепляла взгляз нечем другим. Дорога была не долгой и Гримм подходил к мосту, что был единственным ходом в замок через ров: мост да замок выглядели довольно незатейливо, но массивно и крепко; ров же вызывал опасения, не только бескрайней глубиной, но и чувством живности, что готова тебя утащить на самую глубь. Подходя к мосту он заметил на нём старенького ожидавшего мышонка.

Старичок: Здравствуй юноша, ты ли тот мрачный кудесник, что проведёт дочку лорда в последний путь? Мне сказали вас встретить.

Гримм: Да это я. Мне было велено прибыть в замок этим днём.

Старичок: Что же пройдёмте.

У ворот стояли двое рослых Мышат, облачённые в сталь и снаряжённые алебардами. Один из них нечто выкрикнул на своём, когда старичок и Гримм подошли, и раскрылись пред ними массивные ворота, а вздымающаяся герса из земли являла свои устрашающие остроконечные колья, пропуская их. Встречающий внутренний двор был сплошь садом из роз, за которыми ухаживали и сейчас пару мышек, с этим же по двору то и дело бродили туда-сюда занятая замковая прислуга. В пути старичок раздался вопросом.

Старичок: Вот скажите, уважаемы, вы часто бываете на такого рода мероприятиях... Сами понимаете у родственников траур и печаль... и не знали бы вы как можно помочь лорду, ныне он пребывает в глубокой печали.

Гримм: Разумеется, я знаю как вам помочь, в общем поговорим в сторонке, но вот эти ароматические травы при купании помогут снять стресс и тяжесть духа. Не стоит так же забывать и о даме сердца Лорда, как она поживает?

Старичок: Лорд наш вдовец, в сердце его было только место для жены и дочери, а так лишь работа да работа. Мне действительно хотелось бы ему помочь и увидеть жизнь в новых красках — он ещё достаточно молод, что бы зажить по-новому.

Гримм: Тяжёлый случай, однако кроме успокоительного лекарства помочь мне нечем, а работа его хоть отвлечёт. А сама то жизнь в замке спокойная?

Старичок: Да пока дочка не погибла замок был будто заведён, а сейчас понемногу замолкает, может даже и засыпает вечным сном...

Они вошли в замок. Полы были устелены коврами, каменные стены же гобеленами, с множеством всяких интересующих сюжетов, а потолок расписали сложным орнаментом, пока стрельчатые окна глядели на чудесный сад внутреннего двора. Огромные латунные люстры встречали проходящих, были они весьма раскидисты, сияли же по ночам, набравшись сил за день. Проходя по коридору они почти никого и не встретили, кроме двух маленьких мышек следивших за чистотой. После они взобрались по винтовой лестнице на самую вершину башни. Свободно открыв дверь они увидели склонившегося лорда подле мёртвой дочери, он был печален и погружен в размышления.

Лорд: Она была ещё так молода.

Старичок: Ах, печаль.

Лорд: ...

Гримм: Нужно будет подготовить тело и выполнить некоторые процедуры, перед тем как провести её в последний путь. Я бы попросил вас удалиться.

Старичок и Лорд нерешительно удалились из покоев и оставили Гримма в одиночестве. Он неспешно подошёл к мышке, пока такой же прекрасной, как и при жизни, лишь чахлые пальцы рук лишённые меха и хвост изогнутый в не естественной форме напоминали, что пред тобой свежие останки, за которыми бережно ухаживали.

Из своей поездной сумки достал чудную замшевую книгу. Будто бы распев настоятеля монастыря из его уст исходил и гулял до самого основания башни, а через окна разгуливал по всему замку, и за его пределами. За тем пением из книги вылезли путы из голубого, как небо цвета, которого сегодня так не хватало, они оплели тело, в ответ, словно живое, оно начало сопротивляться, а под силой пуд постепенно заламывалось в неестественные позы. Казалось бы оно сейчас откроет рот и завопит от боли, но в тот самый момент голубое свечение полностью скроет тело, после зальёт светом всю комнату, и вновь настанет покой.

Гримм: Встань же безвольная слуга, сыграй за это потерянное дитя.

Виктима: Ох, кой же раз мне дано страдать: выдавать себя за другого, ни разу не говорить от себя.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/86420/3416089